

САУРАНИЯ ТОР

истории, которые остаются с тобой

Ведьма из Подм
Тридесятая ули

Дело
Кот, домо

Даурания Торн

**Ведьма из Подмосковья. Книга
1. Тридесятая улица, дом 1**

«Автор»

2026

Торн Д.

Ведьма из Подмосковья. Книга 1. Тридесятая улица, дом 1 /
Д. Торн — «Автор», 2026

Говорят, если тебе плохо, и ты не знаешь, куда идти, лес сам выведет тебя к дому на Тридесятой улице. Но не каждый найдёт туда дорогу. Алиса Митрофанова о таком доме не слышала. Она вообще слышала только одно: «Митрофанова, где отчёт?!». Ей было двадцать семь, она снимала комнатку в Люберцах, ненавидела вторники и не верила в чудеса. Но однажды в сквере она купила незнакомой бабке бутылку воды. А получила — дар, дом в лесу и двух невыносимых соседей: домового, который не выносит пылесос, и кота, который считает себя главным. Теперь у неё нет отчётов. Зато есть приём посетителей. Но настоящая беда приходит, когда Алиса понимает: её дом — последний свободный узел силы в Подмосковье. И за ним уже выехали. С документами. С деньгами. И с боевыми дубинами, пахнущими Пустошью. Маргарита Гольц, владелица магического салона «Лунный свет», не верит в «бесплатную помощь». Она верит в прибыль. Но, Алиса Митрофанова больше не боится. Потому что однажды она уже ответила на самый важный вопрос.

© Торн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ведьма из Подмосковья. Книга

1. Тридесятая улица, дом 1

Глава

Аннотация

Говорят, если тебе плохо, и ты не знаешь, куда идти, лес сам выведет тебя к дому на Тридесятой улице. Но не каждый найдёт туда дорогу. И не каждый захочет.

Алиса Митрофанова о таком доме не слышала. Она вообще слышала только одно: «Митрофанова, где отчёт?!». Ей было двадцать семь, она снимала комнатку в Люберцах, ненавидела вторники и не верила в чудеса. Но однажды в сквере она купила незнакомой бабке бутылку воды. Всего лишь воды. А получила — дар, дом в лесу и двух невыносимых соседей: домового, который не выносит пылесос, и кота, который считает себя главным.

Теперь у неё нет отчётов. Зато есть приём посетителей.

Дело № 1. Куры поют матерные частушки. Молоко исчезает из запертого погреба. Двор усыпан светящимися розовыми перьями.

Дело № 2. Из пола в спальне растёт берёза. Из стен — одуванчики. Под фундаментом кто-то поёт.

Дело № 3. У девушки крадут сны. У парня — проклятое кольцо, которое каждую ночь будит его выстрелом на дуэли.

Дело № 4. Русалка забирает голос у ребёнка. Сонная тень выпивает сны старухи. Призрак офицера не может уйти с места своей смерти.

И все просят помочь.

Но настоящая беда приходит, когда Алиса понимает: её дом — последний свободный узел силы в Подмосковье. И за ним уже выехали. С документами. С деньгами. И с боевыми дубинами, пахнущими Пустошью. Маргарита Гольц, владелица магического салона «Лунный свет», не верит в «бесплатную помощь». Она верит в прибыль. И в то, что любой дом можно купить. Особенно если у него нет кадастрового номера. Но, Алиса Митрофанова больше не боится. Потому что однажды она уже ответила на самый важный вопрос. Вопрос был: «Что такое дом?». И её ответ понравился печи. А, ещё у неё есть кот, который умеет кусаться, домовый, который умеет ворчать так, что даже леший приходит советоваться, и земля, которая заключила с ней договор навсегда.

Первая книга серии «Тридесятая улица» — это уютное городское фэнтези с русским характером, где магия живёт рядом, а за каждым поворотом ждёт то ли чудо, то ли новая загадка.

Глава 1.Пленница вторника

Глава 2.В которой клиенты переступают порог, а Алиса учится слушать

Глава 3.В которой Алиса прибывает в Выселки и узнаёт, что у страха глаза велики, а у проблем — длинные уши

Глава 4.В которой наступает рассвет, и Алиса знакомится с существом

Глава 5.В которой Алиса возвращается домой, а прошлое напоминает о себе

Глава 6.В которой на пороге появляется незнакомка, а Алиса узнаёт, что у Серафимы были враги

Глава 7.В которой Алиса делает первые шаги в магии, а прошлое стучится в двери

Глава 8.В которой ночной гость приносит вести, а Алиса принимает вызов

Глава 9.В которой Алиса учится слушать, а лес приводит нового гостя

Глава 10.В которой Алиса ступает за грань, а Навь показывает своё лицо

Глава 11.В которой Алиса возвращается с победой, а Дом задаёт новый вопрос

Глава 12.В которой ночь перед испытанием приносит откровения, а прошлое перестаёт быть тайной

Глава 13.В которой Алиса отвечает на третий вопрос, а Дом обретает хозяйку

Глава 14.В которой Алиса идёт к Чёрному ручью, а лес показывает свои шрамы

Глава 15.В которой Заряна рассказывает свою историю, а Алиса учится отличать правду от лжи

Глава 16.В которой на пороге появляется чиновник, а Алиса узнаёт, что магия и закон редко ходят рука об руку

Глава 17.В которой Алиса готовится к договору, а прошлое Заряны напоминает о себе

Глава 18.В которой Алиса отвечает на вопрос, а земля принимает новую клятву

Глава 19.В которой приходят новые гости, а Алиса впервые покидает лес после договора

Глава 20.В которой Алиса спускается в Навь, встречает русалку и узнаёт цену голоса

Глава 21.В которой Алиса возвращает голос, а Гольц наносит удар

Глава 22.В которой Алиса узнаёт, что сны можно украсть, а тишина бывает громче крика

Глава 23. В которой Алиса узнаёт, что закон — не единственный способ борьбы, а лес умеет хранить свои тайны

Глава 24. В которой на Тридесятую улицу приходит беда, а Алиса узнаёт цену защиты

Глава 25. В которой Алиса узнаёт, что у каждого дома свой дух, а у каждого духа — свой характер

Глава 26. В которой Алиса узнаёт, что самое страшное проклятие — это то, что мы носим в себе, а сны иногда снятся не нам

Глава 27. В которой Алиса узнаёт, что любовь сильнее смерти, а сны иногда помнят то, что забыли мы

Глава 28. В которой Алиса узнаёт, что старые вещи умеют помнить, а подземный гул слышат не только ведьмы

Глава 29. В которой карта оказывается не той, чем кажется, а под Москвой просыпается не только Существо

Глава 30. В которой Алиса спускается под землю, а тьма обретает голос

Глава 31. В которой Алиса говорит с тем, что за дверью, а Гольц узнаёт, что не всё можно купить

Глава 32. В которой дом становится садом, а сад — домом, и всё это не к добру

Глава 33. В которой Алиса возвращает то, что было взято, и получает то, о чём не просила

Ведьма из Подмосковья.

Книга 1: «Тридесятая улица, дом 1»

Глава 1. Пленница вторника

Ненависть, как это часто бывает, не озаряет вспышкой, а просачивается медленно, капля за каплей. У Алисы Митрофановой ненависть имела цвет и звук. Цвет был тошнотворно-жёлтым — как выгоревшая на солнце институтская методичка по бухгалтерскому учёту, которую она до сих пор хранила на антресолях, словно напоминание о крушении надежд. А звук — визгливой трелью китайского будильника, разрывающего тишину ровно в 6:45.

Каждое утро было маленькой смертью.

Она не открыла глаза. Не было сил. Она просто лежала, уткнувшись носом в подушку, которая пахла кондиционером для белья «Альпийские луга» — ещё один обман, ведь за окном были не луга, а забитая машинами парковка и серые громады человеичиков. Алиса физически, кожей, ощутила, как в комнате сгущается та особая, удушливая тишина, которая бывает перед тем, как включится отопление. По картонной стене, отделявшей её от комнаты соседа-студента, пробежала вибрация — там что-то упало, кажется, стопка учебников. И снова тишина.

Алиса Митрофанова. Даже фамилия у неё была какая-то... нелепая. Деревенская, основательная, словно лапоть. Она плохо сочеталась с офисным дресс-кодом и мечтами о чём-то

большем. В школе её дразнили «Митрофановной», и она ненавидела это. Теперь же, в свои двадцать семь, Алиса почти смирилась. Фамилия была единственным, что связывало её с семьёй, с бабушкой, которая когда-то учила её различать травы, и с той жизнью, где небо было высоким и звёздным, а не перечёркнутым проводами.

Ей было двадцать семь. В зеркале, перед которым она через полчаса будет наносить дежурный мазок туши, жила незнакомая уставшая женщина. Алиса помнила ту девушку, которая десять лет назад приехала из маленького Зарайска покорять Москву. Та девушка носила яркие шарфы, любила запах нагретой солнцем хвои и смеялась так, что оборачивались прохожие. Теперь же в зеркале отражался человек-функция. Русые волосы, которые раньше развевались на ветру, теперь были стянуты в тугой, безжалостный узел на затылке. Такой узел, как шутила (горько, про себя) Алиса, затягивают на душе покойника. Единственное, что не удалось убить буднями — это глаза. Большие, болотно-зелёные, они до сих пор хранили на дне зрачков какую-то затравленную, но живую искру. Именно её она и пыталась загасить кофе.

Кофе был отвратительным. Самый дешёвый, растворимый, в банке с облезшей этикеткой. Она заваривала его кипятком из старого электрического чайника, на стенках которого выросла накипь. Этот кофе не бодрил — он наказывал. Горечью, кислым привкусом, неприятным теплом в желудке.

Офисная форма встретила её молчаливым укором. Белая блузка из не дышащей синтетики. Серая юбка-карандаш, которая немного жала в талии (привет, сидячий образ жизни и печеньки на корпоративных чаепитиях). Колготки, которые она неизменно цепляла ногтем, надевая впопыхах. Это была не одежда. Это был бронежилет. Скафандр для выхода в агрессивную среду под названием «ООО СтальСтройИнвест».

Дорога.

Маршрутка была набита битком. Алиса стояла, вцепившись в грязный поручень, и покачивалась в такт неровной езде. Её лицо находилось на уровне чьего-то рюкзака, от которого пахло козлом и школьной столовой. Вокруг были такие же сонные, серые лица. Девушка в розовом пуховике сосредоточенно ковырялась в телефоне, мужчина в помятой куртке спал, уткнувшись лбом в стекло. Это был не транспорт, это был конвейер по доставке человеческого ресурса с точки А в точку Б.

Где-то там, за окнами, просыпалась весна. По крайней мере, так утверждал календарь. Солнце пыталось пробиться сквозь мутные, невымытые стёкла маршрутки, бросая на лица пассажиров бледные, размытые пятна света. Алиса смотрела на эти тени и вспоминала, как в детстве бабушка учила её различать запахи трав. «Вот это, Алиска, зверобой, от девяноста девяти болезней. А это душица — сердцу отрада». Теперь же всё, что она различала — это синтетический ароматизатор «морской бриз», висевший в салоне.

Ей вдруг безумно, до дрожи в коленях, захотелось вдохнуть настоящего воздуха. Не того, что пахнет бензином и пылью, а того, что настоян на талой воде и набухающих почках. Но она знала, что это невозможно. Её мир был ограничен пыльной южкой в углу офиса и кактусом на подоконнике её съёмной комнаты, который упорно отказывался цвести.

Офис.

Офис «СтальСтройИнвеста» располагался на девятом этаже типового бизнес-центра. Огромный опенспейс, залитый холодным, мёртвым светом люминесцентных ламп. Гул компьютеров, стук клавиатур и непрекращающиеся телефонные трели. Алиса села за свой стол — стандартную ячейку с серыми перегородками. Здесь не было ничего личного. Только монитор, клавиатура, стаканчик с логотипом фирмы и стопка бумаг.

— Митрофанова! — голос Светланы Эдуардовны прорезал гул, как скальпель. Начальница стояла в дверях своего кабинета-аквариума. Это была женщина неопределенного возраста, с причёской «осыпавшаяся укладка», которую она фиксировала таким количеством

лака, что волосы напоминали шлем. Её губы, обведённые ярко-малиновым контуром, были поджаты. — Ты смету за второй квартал подготовила? Почему я не вижу её на столе?

Алиса вздрогнула. Смета. Она работала над ней до двух часов ночи.

— Да, Светлана Эдуардовна, она готова, я сейчас распечатаю, — пробормотала она, суетливо нажимая на клавиши.

— «Готова» у неё. — фыркнула начальница, скрестив руки на объёмной груди. — Если там опять будут ошибки, как в прошлый раз, пеняй на себя. Мы не благотворительность, Митрофанова. Ты должна радоваться, что у тебя вообще есть эта работа. В твоём возрасте и без профильного образования...

Она не договорила, но смысл был ясен. Развернувшись на своих высоченных шпильках, она ушла в кабинет, оставив за собой шлейф горьковато-сладких духов и чувство унижения. Алиса сидела, тупо глядя в экран. Щеки горели. Слова начальницы хлестнули по самому больному. Да, она была благодарна за эту работу. За возможность платить за комнатуху и покупать еду. Но была ли она рада? Рады были те, кто гулял в парке, кто рисовал, кто любил. А она просто существовала, отбывая повинность.

Именно в этот момент, глядя на колонку цифр, которая расплывалась перед глазами, Алиса Митрофанова впервые за долгое время подумала не о том, как выполнить план, а о том, как она устала. Смертельно, беспросветно устала быть винтиком.

Сквер и встреча.

Решение прогуляться до дальней остановки пришло спонтанно. Просто ноги отказывались нести её в душную подземку. Хотелось оттянуть момент возвращения в пустую квартиру, где её ждал только включенный телевизор для фона. Она вышла из офиса и, поёживаясь от промозглого весеннего ветра, направилась к старому скверу, зажатому между панельными башнями.

Сквер был островком старой, умирающей жизни. Высокие, корявые тополя тянули к небу свои узловатые ветви, на которых только-только начинали набухать липкие почки. Под ногами хрустела прошлогодняя, неубранная листва. В центре сквера, на облезлой скамейке, одиноко сидела старуха. Она, казалось, была частью этого пейзажа, такой же старой и лишней в мире стекла и бетона. Чистенький ситцевый платок, туго завязанный под подбородком, тёмное драповое пальто с потёртым цигейковым воротником. На ногах — стоптанные туфли. В руках она держала странную авоську, сплетённую из толстых суровых нитей, которая была туго набита какими-то свёртками.

Алиса хотела пройти мимо. У неё выработался иммунитет к попрошайкам и уличным торговцам. Но старуха подняла на неё глаза, и Алиса замерла. Глаза были выцветшими, сероголубыми, но из них исходила такая властная, спокойная сила, что пройти мимо было невозможно.

— Дочка, — голос оказался на удивление звонким и чистым, без старческой дребезжащей хрипотцы. — Дай попить. Жажда замучила. Вон, в киоске водичка. Купи, Христа ради.

Это было сказано не как просьба, а как констатация факта. Алиса, словно под гипнозом, кивнула и пошла к киоску. Купила бутылку обычной питьевой воды без газа. Свинтила крышку и с почтением, которое сама себе не могла объяснить, протянула старухе. Та взяла бутылку и начала пить медленно, маленькими глотками, закрыв глаза от удовольствия. Кадык на её тонкой, морщинистой шее ритмично двигался. Напившись, она вытерла рот платком и вдруг цепко, неожиданно сильно схватила Алису за запястье.

— Дай-ка взглянуть, — пробормотала она, поворачивая Алисину ладонь к свету.

Её сухие, тёплые пальцы скользнули по линиям на ладони. Это было не щекотно, а словно по коже пробежал слабый электрический ток.

— Ах ты ж горе моё луковое, — вздохнула старуха, покачивая головой. — Чаша-то пустая. Пересохла. Сила-то роду семиколённого, древняя, а ты её в сметы свои закатала, в цифры эти бездушные. Вся искра ушла в подполье. Фамилия твоя, Митрофанова, — это не кличка позорная, это ключ. В ней корень и сила земли.

Алиса оторопела. Слова были бредовыми, но в груди у неё вдруг что-то болезненно сжалось, словно откликнувшись на правду. Фамилия, которую она всю жизнь считала обузой, вдруг прозвучала гордо.

— Какая сила? Вы о чём, бабушка? — спросила она, пытаясь высвободить руку, но хватка была железной.

— Ведьмовская, внучка, ведьмовская. Ты — преемница моя. Я, Серафима, уйду. На покой пора. А тебе — наследство принимать.

С этими словами она залезла в свою бездонную авоську и извлекла на свет предмет, от которого повеяло чем-то древним и торжественным. Это была свеча. Не аккуратная церковная, а оплавленный, неровный огарок, перевитый суровой ниткой. Воск был глубокого, изумрудно-зелёного цвета, внутри него были вкраплены какие-то сухие травинки и, кажется, крупички земли. В наступающих сумерках свеча, казалось, слабо светилась изнутри.

— Не надо мне ничего, — запротестовала Алиса, чувствуя, как липкий страх подступает к горлу. — Я не ведьма. Я бухгалтер.

— Бухгалтер! — фыркнула Серафима, и в этом смешке Алисе почудился далёкий раскат грома. — Ты — стихия, которую загнали в бухгалтерскую книгу. На, держи. Дар прими, а с работой твоей покончено. Дом тебя ждёт, на Тридесятой улице, владение один. Хозяйка ты теперь там. Андрона не обижай, он хоть и ворчун, но верный. И Мирону скажи, чтоб сметаны не воровал, а просил.

Она буквально вложила огарок в Алисину руку. В то же мгновение мир вокруг пошатнулся. Обычный городской шум — сигналы машин, гул трассы — стих, словно выключенный рубильником. Вместо него Алиса услышала тишину. Густую, наполненную жизнью тишину леса. Она услышала, как где-то вдалеке стучит дятел, как капает с ветки талая вода, как шумят верхушки огромных, чёрных от времени елей. Запах бензина исчез, вытесненный пряным, смолистым ароматом хвои, смешанным с запахом сырой земли и дыма. Перед внутренним взором, как видение, возник бревенчатый дом с высокой, причудливой трубой. Его окна светились мягким, живым, жёлтым светом.

Алиса хотела закричать, но не смогла. Сознание, не выдержав накала ощущений, погасло, сворачиваясь в тугую, темную спираль. Она видела, как старуха поднялась со скамейки, как одёрнула пальто и зацокала стоптанными туфлями по асфальту, удаляясь в сгущающиеся сумерки, словно растворяясь в воздухе.

Часть вторая. Волшебный Дом

Пробуждение было долгим и тягучим, как подъём со дна глубокого, тёплого озера.

Сначала к Алисе вернулись звуки. Где-то совсем рядом, на грани слышимости, что-то мерно потрескивало — словно рассыхались старые доски под чьими-то осторожными шагами. Потом она услышала, как гудит пламя в печи, как заслонка издаёт едва уловимый металлический вздох, как где-то высоко под потолком шелестят сухие травы. И наконец — низкое, утробное мурчание, больше похожее на работу хорошо отлаженного тракторного двигателя.

Потом пришли запахи. И они были оглушительными. Древесный дым — не едкий, а сладковатый, берёзовый. Сухое разнотравье: мята, зверобой, лаванда, и ещё десятки оттенков,

которые она не могла распознать, но которые отзывались где-то в глубине памяти. Воск. Тёплая шерсть. Парное молоко и свежеиспечённый хлеб.

Алиса боялась открывать глаза. Ей казалось: стоит поднять веки, и наваждение рассеется, а она снова окажется в своей съёмной комнатухе под визг китайского будильника. Но мурчание стало громче и настойчивее, а потом что-то влажное и шершавое проехало по её носу.

Она чихнула и распахнула глаза.

Над ней нависала морда. Огромная, круглая, серая, как грозовая туча, с широченными подусниками и длиннющими, в два пальца толщиной, усами. Уши венчали изящные тёмные кисточки, какие бывают у диких рысей. Но самое поразительное — это глаза. Два янтарно-жёлтых фонаря, которые смотрели на неё с выражением глубочайшего, снисходительного любопытства. Вертикальные зрачки то сужались, то расширялись, изучая её лицо.

— Очухалась, Митрофанова, — произнесла морда низким, с лёгкой хрипотцой баритоном. — А я уж думал, бабка Серафима с дозировкой напутала, наследницу насмерть пришибла. Вот был бы скандал на всё Тридешатое царство.

Алиса завизжала. Пронзительно, отчаянно, как девчонка. Она попыталась сесть, но огромная лапа — мягкая, но неумолимо тяжёлая, как мешок с песком, — легла ей на грудь и прижала обратно к лавке.

— Тихо, тихо, — прогудел кот. — Во-первых, стёкла. Стекла у нас старинные, слюдяные, им двести лет в обед. Звонкие — жуть. Зачем пугать понапрасну? Во-вторых, что за манеры — визжать в присутствии незнакомого кота? Где твоё городское воспитание?

Алиса замолчала, судорожно хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то у горла. Она лежала на широкой деревянной лавке, застеленной толстым лоскутным одеялом, и смотрела в жёлтые глаза, не в силах отвести взгляд. Кот, удовлетворившись наступившей тишиной, убрал лапу и сел, обернув хвостом передние лапы. Теперь он был похож на огромную, мохнатую статую — изваяние какого-то древнего кошачьего божества.

— Вот так-то лучше, — одобрил он. — Меня, кстати, Мирон зовут. Можно без отчества, я не настаиваю. Я здесь, с твоего позволения, что-то вроде заведующего хозяйственной частью. Ну, и советник по особым вопросам.

Алиса облизнула пересохшие губы. Слова застревали в горле, как сухие крошки. Она снова огляделась, на этот раз более осмысленно.

Она находилась в просторной горнице. Это было не просто помещение — это было сердце дома. Стены, сложенные из толстых, потемневших от времени сосновых брёвен, дышали историей. В пазах между ними серебрился высушенный мох. Пол, сбитый из широких половиц, был отшлифован до блеска сотнями, а может, и тысячами шагов — но не лаковый, не искусственный, а живой, тёплый, укрытый кое-где домоткаными половиками в красную и синюю полоску.

Справа от неё, занимая едва ли не четверть комнаты, высилась печь. Это было настоящее архитектурное сооружение — побеленная, с просторной лежанкой наверху, куда вели два приступка. На лежанке лежала овчина и пара подушек в наволочках с кружевной вышивкой. В открытую заслонку было видно, как пляшут и корчатся на поленьях золотые язычки пламени, отбрасывая на стены причудливые, живые тени. От печи исходило ровное, ласковое тепло, которое не обжигало, а мягко окутывало, прогоняя озноб.

Слева, у стены, стоял огромный дубовый стол. Не магазинный, собранный из ДСП на шурупах, а настоящий, ручной работы — массивный, с толстенной столешницей, на которой виднелись следы ножа и старые, выжженные чем-то горячим круги. Вокруг стола чинно стояли четыре стула с высокими резными спинками. На столе, в глиняной плошке, лежали яблоки — самые обычные, но их аромат смешивался с запахом трав и дыма, создавая удивительный, уютный букет.

Но главное было над головой. Потолка в привычном понимании не было. Вместо него под самой крышей, на перекрестьях мощных балок, гроздьями висели травы. Огромные, пышные

пучки — одни уже высохшие, золотисто-соломенные, другие ещё хранили бледную, приглушённую зелень. Они свисали вниз, перевязанные суровыми нитками, и при каждом движении воздуха начинали тихо, задумчиво перешёптываться, наполняя горницу пряным, чуть горьковатым духом.

В углу, слева от печи, темнел громадный, окованный медными полосами сундук. Крышка его была приоткрыта, и оттуда выглядывал край какой-то пёстрой ткани. Над сундуком, на стене, висели связки лука и чеснока, а рядом — какие-то засушенные корни, похожие на скрюченные, узловатые пальцы.

Окна были небольшие, забранные не стеклом, а чем-то, напоминающим слюду — пластины желтоватого, полупрозрачного минерала в частом деревянном переплёте. Они не давали чёткой картинки, но мягко рассеивали свет, наполняя комнату тёплым, медовым сиянием. За окнами угадывались тёмные силуэты елей — значит, дом и правда стоял в лесу.

— Нравится? — раздался из-за печи скрипучий, но не лишённый своеобразной мелодичности голос. — Серафима любила, чтоб всего в достатке было. И трав, и углов, и укромных местечек.

Алиса вздрогнула и повернула голову. Из-за печи, из тёмного закутка, которого она сразу не заметила, выбралось существо.

Оно было маленьким — не выше годовалого ребёнка, — но сложенным на удивление ладно и крепко, как молодой дубок. У него была большая, непропорционально крупная голова, покрытая копной совершенно седых, пушистых волос, которые торчали во все стороны, словно одуванчик. Лицо — морщинистое, но не стариковски-дряблое, а какое-то... выделанное, как старая кожа, хранящая отпечаток лет. Глаза — маленькие, блестящие, цвета тёмного мёда — смотрели из-под густых, кустистых бровей с выражением ворчливого, но не злого беспокойства. Нос картошкой, а рот почти полностью скрывался в пшеничного цвета усах и окладистой бороде, которая спускалась почти до пояса.

Одет он был в чистую, хоть и старенькую, косоворотку, подпоясанную витым шнурком с кистями, и в широкие порты, заправленные в самые настоящие, миниатюрные лапти. В руках он держал глиняную кружку, от которой поднимался лёгкий пар, пахнувший мёдом, мятой и чем-то неуловимым.

— Андрон, — представился он, шаркая лаптями по половицам. — Домовой. Здешний. При прежней хозяйке триста лет без году неделя отслужил.

Он подошёл ближе и с неожиданной для такого маленького роста силой и ловкостью взобрался на лавку у Алисиных ног. Протянул ей кружку.

— Испей, хозяйка. С нервами полегчает. Взвар по особому рецепту — Серафима сама составляла. На семи травах, на меду, да на водичке ключевой.

Алиса машинально приняла кружку. Пальцы коснулись тёплой, шершавой глины, и это простое, осязаемое ощущение вдруг привело её в чувство лучше всяких слов. Это был не сон. Сон не мог быть таким тёплым, таким пахучим, таким... реальным. Она поднесла кружку к губам и сделала глоток.

Вкус был странный. Сладкий, но не приторно. Травяной, но без горечи. Он разливался по телу мягким, успокаивающим теплом. Истерика, которая ещё минуту назад скручивала внутренности в тугой узел, начала отступать, оставляя после себя только лёгкую, звенящую пустоту и безмерную усталость.

— Спасибо, — прошептала Алиса, возвращая кружку.

Андрон принял её и важно кивнул, но во взгляде его промелькнуло что-то, похожее на одобрение.

— Вежливая, — констатировал он, обращаясь к Мирону. — Это хорошо. Серафима, бывало, тоже не грубила. А уж сила-то у неё была — ого-го. Могла и лешего к порядку призвать,

и кикимору болотную усмирить. А эта... — он с сомнением покосился на Алису, — ... эта пока что заморышек. Но искра есть. Серафима зря не ошибалась.

— Искра-то есть, — лениво протянул Мирон, спрыгивая с лавки. Он прошествовал к столу и одним мощным, плавным прыжком взлетел на столешницу. — Только глубоко запрятанная. Забитая. Как родник, который листвой засыпало. Придётся расчищать.

Он уселся, аккуратно поджав под себя хвост, и принялся вылизывать лапу с видом профессора, готовящегося к лекции.

— Итак, Алиса Митрофанова, — начал он, не прекращая своего занятия. — Позволь ввести тебя в курс дела. Ты сейчас находишься в Волшебном Доме, что стоит в заповедной чаще на улице Тридесятой, владение один. Улица эта не на всякой карте отмечена. Более того, найти её могут только те, кому действительно нужна помощь — или те, в ком есть капля магии. Для остальных здесь просто глухой лес и болото.

Алиса слушала, затаив дыхание. В голове роились сотни вопросов, но она боялась перебить.

— Дом этот, — продолжал кот, — не просто брёвна и крыша. Он живой. Он помнит всех хозяев, начиная с самой первой ведуньи, что поставила здесь сруб ещё при царе Горохе. Он дышит, он слышит, он иногда даже своевольничает — может дверь в погреб не открыть, если ты с ним не в ладу. Но если дом тебя примет — лучшего убежища и помощника не найти. Он сам будет подсказывать, сам будет хранить, сам будет прятать от недобрых глаз.

— А вы... — начала Алиса и запнулась.

— Мы? — Мирон перестал вылизываться и посмотрел на неё в упор. — Мы — хранители. Каждый дом такого уровня, как этот, имеет своих духов-охранителей. Андрон, — он кивнул на домового, — отвечает за порядок внутри. Чтобы печь не дымила, чтобы молоко не скисало, чтобы мыши не шалили, а половицы не скрипели без дела. Он дух домовитый, хозяйственный.

Андрон, польщённый такой характеристикой, приосанился и разгладил бороду.

— А я, — Мирон снова принялся за лапу, — отвечаю за внешний контур. За связь с лесом, с нечистью, с людьми. Я — фамилляр. Боевой, если хочешь. Служу этому дому уже... — он на мгновение задумался, — ...а впрочем, неважно сколько. Важно, что я видел трёх хозяек до тебя, и каждая была по-своему хороша, пока... — он осёкся и замолчал.

— Пока что? — тихо спросила Алиса.

— Пока не случилось что-то, — уклончиво ответил кот. — Но об этом потом. Сейчас о тебе. Ты, Алиса Митрофанова, теперь хозяйка этого дома. И хочешь ты того или нет, но у тебя есть обязанности.

— Какие обязанности? — Алиса нахмурилась. — Я ничего не умею. Я бухгалтер. Я цифры складываю.

— Складывать ты больше ничего не будешь, — отрезал Мирон. — Разве что заклинания в рабочие комбинации. У тебя дар. Он в крови. Ему не нужно твоё высшее образование и твои амбиции. Ему нужно, чтобы ты просто перестала бояться и начала слушать.

— Что слушать?

— Себя. Дом. Лес. Людей, которые придут за помощью. — Кот повернул голову к двери и наострил уши. — Кстати, о людях. Андрон, ты слышишь?

Домовой, который до этого задумчиво тёр кружку рукавом, встрепенулся.

— Слышу, — сказал он негромко. — Уже с час как на крыльце сидят. Двое. Мужик и баба. Пахнут сеном, скотиной и... страхом. Много страха. Ждут, пока хозяйка проснётся.

— Вот видишь, — Мирон спрыгнул со стола и не спеша направился к двери. — Твоя первая рабочая смена началась. Давай, поднимайся. Приводи себя в порядок.

Он обернулся на ходу и бросил на Алису взгляд, в котором смешались ирония, вызов и, как ей показалось, тень сочувствия.

— Добро пожаловать в должность, ведьма Митрофанова. Испытательный срок начинается прямо сейчас.

Андрон уже копошился у большого сундука. Крышка поднялась с тяжёлым, утробным скрипом, и на свет показалось платье — длинное, из плотного льна глубокого сине-зелёного цвета, с вышивкой по подолу, напоминающей то ли руны, то ли стебли неведомых растений.

— Вот, — домовый встряхнул платье, и оно заструилось, как вода. — Серафима велела передать. Сказала, чтоб ты скинула свой городской скафандр. Негоже ведьме в таком на люди выходить.

Алиса посмотрела на свою измятую блузку, на серую юбку-карандаш, которая теперь выглядела до комичного чуждой в этой древней, пропахшей травами горнице. Потом перевела взгляд на дверь, за которой ждали двое незнакомых, испуганных людей. Потом — на зелёный огарок, который до сих пор лежал на лавке рядом с её рукой и, казалось, едва заметно пульсировал теплом.

Она сделала глубокий вдох. Выдохнула.

— Хорошо, — сказала она, и голос её почти не дрожал. — Давайте платье.

Конец первой главы.

Глава 2. В которой клиенты переступают порог, а Алиса учится слушать

Платье сидело так, словно его шили специально для неё.

Алиса затянула вязаный пояс и провела ладонями по плотной, но удивительно мягкой льняной ткани. Ощущение было странным и новым. Она привыкла к одежде, которая сковывала — узкие юбки, негнущиеся пиджаки, блузки, в которых не поднять руки без риска услышать треск расползающегося шва. Здесь же ткань обнимала тело, но не стесняла движений. Рукава были просторными, почти до кончиков пальцев, подол доходил до щиколоток, и когда она сделала шаг, то почувствовала лёгкое, приятное дуновение воздуха вокруг ног. Свобода. Вот что это было.

Она бросила взгляд на свою старую одежду, безвольной кучей лежащую на лавке. Белая блузка, серая юбка, колготки со стрелкой. Они выглядели здесь чуждо, как обломки какой-то другой, потерпевшей крушение цивилизации. Андрон, проследив за её взглядом, бережно подобрал вещи и убрал их в сундук.

— Пусть полежат пока, — сказал он. — Выбрасывать не след. Вещь памятью пропитана, а память — она сила. Но надевать больше не придётся, это точно.

Алиса хотела возразить, сказать что-то про то, что она вообще-то не планирует здесь задерживаться, что ей нужно домой, что у неё, в конце концов, завтра презентация проекта. Но слова застряли где-то на полпути. Презентация. Светлана Эдуардовна. Годовой отчёт. Все эти понятия вдруг показались ей далёкими, как прошлогодний снег. Словно она смотрела на них через толстое, мутное стекло.

— А что теперь делать? — спросила она, и вопрос прозвучал так по-детски беспомощно, что она сама себя за это мысленно одёрнула.

— Слушать, — коротко ответил Мирон. Он сидел на том же месте, на столе, и теперь его огромные жёлтые глаза смотрели на неё без тени насмешки. — Слушать и смотреть. Остальное придёт.

Из-за двери снова донеслось робкое покашливание. Кто-то переступил с ноги на ногу, и половицы крыльца отозвались протяжным, жалобным скрипом. Алиса вдруг ощутила, как внутри что-то натягивается — тонкая, невидимая струна, соединяющая её с этими незнакомыми людьми за порогом. Она чувствовала их. Не то чтобы читала мысли — нет. Но каким-то шестым, доселе дремавшим чувством улавливала их состояние. Волнение. Усталость. Надежду, смешанную с отчаянием. И ещё что-то — липкое, тёмное, похожее на страх, который уже перешёл в хроническую стадию.

— Впускай, — тихо сказал Мирон. — Не томи.

Алиса одёрнула рукава, провела ладонью по волосам — они до сих пор были распущены, и она на мгновение заколебалась, не собрать ли их обратно в узел. Но потом передумала. Узел остался там, в прошлой жизни. Вместе с офисом, маршруткой и годовым отчётом.

— Впускай, — повторила она едва слышно, и Андрон, шаркнув лаптями, отворил дверь. На пороге, щурясь от тепла и света, исходящего из горницы, стояли двое.

Мужчина был высок, грузен и, что называется, кряжист. Лет пятидесяти с небольшим, с обветренным, красным лицом и глубокими, как шрамы, морщинами, рассекавшими лоб и щёки. Его большие, натруженные руки, покрытые сеткой вздувшихся вен, нервно мяли потрёпанную серую кепку из искусственного меха. Одет он был в старую, но добротную удублёнку, на плечах и воротнике которой ещё блестели капли растаявшего лесного инея. От него пахло сеном, скотным двором и каким-то особым, терпким крестьянским потом — не противным, а скорее напоминающим о тяжёлой, честной работе.

Рядом с ним, вжавшись в его плечо, стояла женщина. Полная противоположность своему спутнику — маленькая, сухонькая, с острым, птичьим лицом. Ей можно было дать и сорок, и шестьдесят — возраст терялся в паутине мелких морщинок и в выражении вечной, застарелой тревоги, застывшем в глазах. Эти глаза — бледно-голубые, выцветшие — ни на секунду не останавливались. Они обшарили горницу, скользнули по Мирону (тут женщина вздрогнула, но промолчала), задержались на Андроне (ещё один испуганный вздох) и, наконец, остановились на Алисе. Женщина замерла.

Она была одета в дешёвое коричневое пальто из кожзама, которое топорщилось на плечах и было великовато на пару размеров. Из-под сбившегося набок вязаного берета выбивались жидкие пряди седеющих волос. В руках она сжимала авоську, набитую какими-то свёртками — не иначе, гостинцами.

— Проходите, гости дорогие, — пробасил Андрон, отступая в сторону. — Не стойте на пороге, тепло выстудите. Да и негоже серьёзные разговоры на сквозняке вести.

Мужчина первым ступил через порог. Сделал шаг, другой и вдруг остановился, словно наткнувшись на невидимую стену. Его лицо, и без того красное, пошло пятнами.

— Вы уж простите, — прогудел он, глядя куда-то в пол, — нам бы... нам бы ведьму. Серафиму Петровну. Нам сказали, она тут живёт. А вы, стало быть... — он поднял глаза на Алису и осёкся, не зная, как закончить фразу.

— Проходите, — повторила Алиса, и на этот раз её голос прозвучал на удивление ровно и спокойно. — Серафимы Петровны здесь больше нет. Теперь я. Меня зовут Алиса Митрофанова. Я её преемница.

Повисла пауза. Женщина за спиной мужчины судорожно вздохнула, и в этом вздохе явственно слышалось сомнение. Мужчина снова мял кепку, и та уже грозила превратиться в бесформенный комок.

— Проходите же, — Алиса чуть повысила голос, но без раздражения. — Присаживайтесь к столу. Рассказывайте, что случилось. И перестаньте мять головной убор — он вам ещё пригодится.

Последняя фраза вырвалась у неё сама собой, и Алиса сама удивилась, откуда взялась эта спокойная, чуть ироничная интонация. Но мужчина вдруг перестал теревить кепку, выдохнул и, словно решившись, прошёл к столу. Женщина засеменила следом, то и дело оглядываясь на Мирона.

Они сели. Вернее, мужчина сел основательно, положив кепку на колени и водрузив на неё свои огромные ладони, а женщина примостилась на краешке стула, как воробей на ветке. Андрон тем временем уже хлопотал у печи — с глиняной кружкой, маленьким бочонком и чистой тряпичей.

— С дороги надобно взвару испить, — пояснил он, не оборачиваясь. — Лес нынче холодный, а у вас, я гляжу, и без того зуб на зуб не попадает.

— Так это... — начал мужчина и осёкся, уставившись на домового.

— Андрон я, — представился тот, ставя на стол две дымящиеся кружки. — Домовой. Не пугайтесь, я по хозяйственной части. А вон тот, — он мотнул головой в сторону кота, — Мирон. Фамильяр боевой. Тоже не кусается. Почти.

Мирон, вальяжно разлёгшийся на лавке у окна, приоткрыл один глаз и издал короткое, похожее на смешок мурлыканье.

— Почти, — подтвердил он. — Но сегодня я сытый. Так что можете излагать без опасений.

Гости переглянулись. Видно было, что всё происходящее — и говорящий кот, и домовый, и сама «новая ведьма» — никак не укладывалось у них в голове. Но отчаяние, видимо, было сильнее сомнений.

— Меня Фёдором звать, — произнёс наконец мужчина, делая глоток взвара. Его брови поползли вверх — напиток явно пришёлся по вкусу. — Фёдор Иванович Сомов. А это сестра моя, Зинаида. Зинаида Ивановна. Мы из Выселок, это деревня тут, если через лес напрямик — часа полтора ходу. Дороги, правда, нет, одна тропка заячья. Но мы не впервой.

Он снова припал к кружке, а Зинаида, до этого молчавшая, вдруг всхлипнула. По её морщинистым щекам покатились слёзы, быстрые, как весенняя капель.

— Беда у нас, ведьма, — выпалила она, и голос у неё оказался неожиданно высоким, почти плачущим. — Беда такая, что хоть в петлю лезь! Не знаем, к кому идти! В церковь ходили — батюшка только покрестил и святой водой окропил, а легче не стало! К ветеринару ездили в район — так он нас на смех поднял, сказал, что мы деревенские совсем уж умом тронулись. Участковый приезжал, заявление писать отказался! А мы не можем больше! Третью неделю мучаемся!

— Тише, Зина, тише, — Фёдор положил ладонь на плечо сестры, и та, прикусив губу, затихла, продолжая беззвучно плакать.

— Давайте по порядку, — сказала Алиса. Она сама села на стул напротив гостей, положила руки на стол — так, как это делала Светлана Эдуардовна на совещаниях, но тут же одёрнула себя и сменила позу на более открытую. — Расскажите с самого начала. Что случилось три недели назад?

Фёдор вздохнул так, словно на его плечи легла вся тяжесть подмосковных снегов.

— Куры перестали нестись, — начал он глухо. — Все разом. А у нас их тридцать две головы. Несушки, молодки, всё честь по чести. Утром приходим в курятник — ни одного яйца. Мы сначала не поняли. Думали — авитаминоз, весна, световой день короткий. Зина им и крапиву сушёную в мешанку добавляла, и витамины покупали в ветаптеке — ничего. А потом...

Он замолчал и посмотрел на сестру. Зинаида судорожно кивнула, мол, продолжай.

— А потом они запели, — выдохнул Фёдор.

— Запели? — переспросила Алиса.

— Запели! — не выдержала Зинаида, вскакивая со стула. В её глазах плескался почти суеверный ужас. — Человеческими голосами! Да ещё какими! Мы утром вышли, часов в пять, темно ещё, только светает... Слышим — в курятнике шум. Думали, лиса забралась. Фёдор схватил вилы, я с фонарём. Подходим, а там!..

Она на мгновение зажмурилась, словно пытаясь стереть воспоминание.

— Петька наш, петух, — продолжила она срывающимся шёпотом, — стоит на насесте, крылья расправил, гребень красный, и орёт дурным голосом: «Бухгалтер, милый мой бухгалтер! Вот он я, а вот зарплата!». А курицы ему хором подтягивают! Да такими словами, что у нас с Фёдором уши в трубочку свернулись! Матершиной кроют — любо-дорого!

Алиса замерла с открытым ртом. Она перевела взгляд на Мирона. Кот, казалось, дремал, но кончик его хвоста мелко подрагивал — верный признак того, что он внимательно слушает. Андрон, стоя у печи, только головой покачал и что-то пробормотал себе под нос — кажется, «срамота-то какая».

— Это не всё, — продолжал Фёдор, явно набираясь решимости. — С курами мы, скрепя сердце, почти смирились. Уши ватой заткнули, да и всё. Кормим, поим, а песен ихних не слушаем. Соседи, правда, косятся, но нам не привыкать. А вот неделю назад началось другое...

Он взял со стола кружку, допил взвар залпом, словно это было что-то покрепче.

— Молоко пропадает.

— Коровы перестали доиться? — спросила Алиса, радуясь, что вопрос звучит по-деловому.

— Да нет, доятся! — Фёдор с досадой хлопнул ладонью по столу. — В том-то и дело! Мы Зорьку нашу подоим утром — всё честь по чести, ведро тёплое, парное, с пенкой. Ставим в погреб — у нас погреб хороший, холодный, выложенный кирпичом. Приходим через час — ведро пустое. Насухо вылизано. Как будто корова языком прошлась. И главное — никто не входил! Дверь заперта, замок цел. Я погреб проверил весь — ни щели, ни лазейки. Кошка наша, Мурка, близко к погребу не подходит. Сидит на крыльце, шерсть дыбом, и шипит. А пёс наш, Полкан, каждую ночь воем как на покойника. Во дворе цепь рвёт, будто чует кого-то.

Зинаида снова всхлипнула.

— А сегодня ночью... — она не договорила и закрыла лицо руками.

— Сегодня ночью, — Фёдор взял слово, но и его голос дрогнул, — мы проснулись от света. Думали, пожар. Выскочили во двор — а там... перья. Розовые. Везде. На заборе висят, на крыльце лежат, на колодце, на яблоне, на крыше сарая — весь двор усыпан. Здоровенные такие, с мою ладонь. И светятся. В темноте — как лампочки. Мягкие, переливаются. Я попробовал одно поднять — оно сквозь пальцы прошло, как дым, и тут же на место вернулось. Мы их в мешок собрали, хотели сжечь — а они не горят. В ведре с водой топили — не тонут. Так и лежат, светятся...

Он замолчал. Тишина в горнице стала почти осязаемой. Только огонь в печи продолжал свою тихую, убаюкивающую песню.

Алиса медленно, очень медленно перевела дух. За годы работы бухгалтером она привыкла к тому, что у любой проблемы есть решение. Проводка не сходится — ищи ошибку в первичке. Налоговая прислала запрос — готовь пояснения. Но здесь... здесь не было ни счетов, ни проводок. Только поющие матом куры, пустые вёдра из-под молока и светящиеся розовые перья, которые не горят и не тонут.

Она снова посмотрела на Мирона. Тот уже не притворялся спящим. Он сидел на лавке, обернув хвост вокруг лап, и его жёлтые глаза были широко открыты.

— Ну что, Митрофанова? — произнёс он негромко. — Есть соображения?

Алиса покачала головой.

— Никаких, — призналась она. — Я даже не знаю, с чего начать.

— Это хорошо, — неожиданно одобрительно сказал Мирон. — Если бы ты сразу начала давать советы, не разобравшись, я бы в тебе разочаровался. А так — хоть какая-то надежда.

— А ты сам? — спросила она. — Ты знаешь, что это может быть?

— Есть пара мыслей, — уклончиво ответил кот. — Но мысли — это пока не факты. Сейчас важно другое. Ты должна поехать в Выселки и осмотреть всё на месте.

— Поехать? — Алиса растерянно оглянулась. — На чём?

— На своих двоих, — фыркнул Андрон. — А что, ты думала, тут такси подают? Лес кругом, хозяйка. Только пешком.

— Пешком так пешком, — Алиса встала. Решимость, странная и неожиданная, наполнила её изнутри, как тёплый взвар. — Я готова.

Фёдор и Зинаида переглянулись, и в их взглядах впервые за всё время промелькнуло что-то, похожее на надежду.

— Спасибо тебе, ведьма, — прогудел Фёдор, поднимаясь. — Если поможешь — век будем благодарны. А нет — так хоть попытаешься. И то хлеб.

Зинаида часто-часто закивала, вытирая платком покрасневший нос.

Алиса накинула полушубок, который Андрон уже держал наготове, и сунула в карман зелёный огарок — тёплый, живой. Мирон, потянувшись всем своим огромным телом, спрыгнул с лавки.

— Я с тобой, — сказал он будничным тоном. — Мало ли что.

— А я тут останусь, — отозвался Андрон. — За домом присмотрю. А ты, хозяйка, возвращайся скорее. И будь осторожна. Лес сейчас... беспокойный.

— В каком смысле беспокойный? — насторожилась Алиса.

Но Андрон уже отвернулся к печи и ничего не ответил.

Алиса шагнула за порог.

Лес встретил её тишиной. Но теперь эта тишина уже не казалась ей пустой. Она была полна звуков, которые Алиса вдруг начала различать — словно кто-то повернул ручку громкости на давно забытом приёмнике. Мерное постукивание дятла где-то высоко. Шорох осыпающегося с ветки снега. Далёкий, хрустальный звон капли. И под всем этим — глубокое, низкое, едва уловимое гудение, словно сам лес дышал.

Тропинка, припорошённая палой хвоей и прошлогодней листвой, вилась между огромными, в два обхвата, елями. Их нижние ветви, отягощённые мхом и лишайником, свисали почти до земли, образуя тёмные, таинственные гроты. Кое-где из-под подтаявшего снега выглядывали бледные, почти прозрачные головки подснежников. Воздух был холодным, но не колючим — он мягко касался щёк, оставляя на коже влажный след.

— Красиво здесь, — прошептала Алиса, и её шёпот утонул в моховых подушках.

— Красиво, — согласился Мирон, бесшумно ступая рядом. — И опасно. Не отставай.

Фёдор и Зинаида шли впереди, показывая дорогу. Алиса шагала следом, Мирон замыкал процессию. Четыре фигуры — две человеческие, одна кошачья и одна, самая неуверенная, посередине — медленно углублялись в заповедную чащу.

Где-то там, впереди, ждала деревня Выселки с поющими курами, пустыми вёдрами и светящимися перьями. А позади, на Тридесятой улице, дом один, оставался Волшебный Дом — с тёплой печью, пучками трав под потолком и старым домовым, который, шаркая лаптями, закрыл за гостями дверь и теперь, наверное, сидел у огня, думая свою бесконечную, ворчливую думу.

Алиса Митрофанова, бывший бухгалтер ООО «СтальСтройИнвест», поправила на плечах полушубок и ускорила шаг.

Её первое расследование началось.

Конец второй главы.

В третьей главе: при

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.